

that the process of scientific creativity demands that the scientist should be «escapist» on one hand (to immerse itself completely into the world of scientific creativity, ignoring the social environment) and «manager» on the other hand (to manage the scientific process on different levels – from individual grants to the high-level administrative functions in scientific organizations). Future research trends in the development of science are actual.

Keywords: *science, fundamental science, basic science, humanities, «posthuman», socio-humanitarian technological way, technoscience, «escapist», «Manager».*

УДК 167.6

З. Ю. Макаров

Винницкий национальный
технический университет

СОВРЕМЕННАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПОСЛЕЛАПАСОВСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ: СИНТЕЗ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ГУМАНИТАРИСТИКИ

В статье проведен анализ послелапласовского детерминизма, который позволяет увидеть концепт научной рациональности в становлении и очертить его проблемный статус в постнеклассическом контексте науки. Устанавливается, что утверждение вероятностного стиля мышления способствует рефлексии коммуникативных и коэволюционных аспектов рациональности. Выявляя эту тенденцию в общем контексте тематики научных парадигм, автор обозначает рациональную стратегию ассимиляции случайности и целеполагания в современной научной методологии.

Ключевые слова: *лапласовский и послелапласовский детерминизм, причинность, случайность, научное описание, объяснение, понимание, рациональность, нелинейные теории, парадигма.*

Многие историко-научные исследования свидетельствуют, что секуляризация доктрины естественного откровения породила классическую рациональность как проблему взаимного опосредования структуры трансцендентального субъекта и порядка его творений, Замысла и Природы (работы Н.С. Автономовой, П.П. Гайденко, В.Н. Поруса, В.С. Швырева и др.). Попытки замкнуть герменевтический круг между этими уровнями рефлексии вызвали ряд редукционистских стратегий, наиболее популярные из которых под эгидой П.С. Лапласа образовали отношение «ума» и его проекции на «естественную детерминацию». Последующее преодоление гегемонии

лапласовского детерминизма обнажило обескураживающее множество этих стратегий с их значениями рациональности («закрытая» и «открытая», «логическая», «эмпирическая», «нормативная», «содержательно-научная»...).

«Образующий субстрат рациональности – будь то разум, особый научный метод или деятельность, целиком отвечающая своей цели и контексту, оказывается неадекватной абстракцией, а при попытке сделать его более конкретным и содержательным исчезает противопоставление рационального и иррационального» [23, 128].

Среди подобных абстракций рациональности не теряет своей влияния неопозитивистская, которая сводит весь ряд рассматриваемых проблем к логико-лингвистическим критериям организации теоретического и эмпирического, взятых как известное веберовское отношение средств и целей (Zweckrationalitaet). Несмотря на то, что в ходе эволюции неопозитивизма простое очищение эмпирического базиса от вненаучных факторов давно переросло в освоение объяснительной функции теории и внеэмпирических способов выдвижения гипотез («контекст открытия»), производные этой стратегии остаются в сугубо эпистемологических рамках. Например, Х. Патнем представляет рациональность как эффективную аксиоматику инструментальной репрезентации реальности в критериях простоты, полноты, когерентности [19, 178], игнорируя внедискурсивные регулятивы эмпирических значений как каузально недостоверные. С другой стороны, в современной парадигме методологической эмансипации постмодернисты склонны лишать эмпирического значения и эксплицитные аподиктические критерии рациональности, отводя им, в лучшем случае, вероятностную смыслоориентирующую роль.

Таким образом, анализ рациональности послелапласовского детерминизма отражает актуальность мировоззренческого испытания партикулярного формально-логического идеала научного разума целостью условий его существования, в которой неуклонно расширяются пределы демаркации, включая сегодня помимо предметно-репрезентативных социокультурные и гуманитарные функции науки. В частности, сложные самоорганизующиеся системы, изучаемые в рамках теории динамических систем, теории катастроф, синергетики и др., на постнеклассическом этапе развития становятся образцовыми, вознося в статус научной парадигмы представления об уровнях сложности, эмерджентном развитии, нелинейном эффекте, упорядоченном хаосе, неоднозначности регуляции, человекоразмерной интерпретации — все то, что проблематизирует «естественную детерминацию» и нормативную рациональность ее репрезентации (работы В.В. Афанасьевой, Т.И. Бугровой, Б.Ю. Дмитриева, Е.В. Ковешникова, И.К. Кудрявцева, С.А. Лебедева, В.А. Цикина).

Вместе с тем, просветительский курс на сциентизацию рациональности поселил среди ее критериев вирус инновационности, который требует от

разума экспансивных действий. Отсюда перманентная проблема противоречия теории и метода, формы и содержания, цели и средств, которая редуцировалась классическими идеализациями действительности, а в последнее время – гипостазированием стохастического и эволюционного момента послелапласовского (ин)детерминизма. Учитывая широкий потенциал заявленной темы, в нашей статье мы сосредоточим внимание на сквозных для научной рациональности и детерминизма способах научной репрезентации реальности (как операциональной ипостаси стилей мышления), разрешая задачу методологической разработки и рациональной оценки демаркационного проекта неклассики и постнеклассического дисциплинарного взаимодействия естественнонаучных и социогуманитарных феноменов и регулятивов. Исходный дуализм рациональной рефлексии, обнаружившей в погоне за «замысловатым» результатом его предметный паллиатив – собственно процесс познавательной деятельности, здесь получает предельное выявление в дилемме нормативной аналитической целерациональности и прескриптивного гуманистического целеполагания.

С привлечением к атомистической парадигме качественных областей бытия резко ослабели многие классические идеализации относительно учитываемых причин и следствий, а с ними и гарантии разумности. «Вопреки результатам и достижениям истории философии в XIX-XX вв. наблюдается постепенное угасание философского рационализма и его место занимает плюралистический (ухудшенный вариант дуализма) эмпиризм двух основных видов: 1) сенсуалистический, питавший и питающий как марксистский диамат, так и различные школы позитивизма и 2) интуитивистский, опирающийся на иррационализм» [22, 23]. Повышение точности измерений в электродинамике, термодинамике, биологии не обеспечивало аналитичности, интегративности, комбинаторности эмпирических величин с тем, чтобы от них переходить к математически артикулированной номологии. Поскольку та, несмотря на все влияние ньютонианства, воспринималась в некотором трансцендентном отношении к унифицированным телам, первой интерпретацией кризиса стал созвучный философскому иррационализму метафизический индетерминизм. И соответственно первой реакцией на него – «позитивная» индуктивная методология (Дж.Ст. Милль, У. Уэвелл, У. Джемс и др.).

Игнорируя эмпирико-аналитический разрыв явлений, позитивизм поюмовски различал их только по величине «ближайших» причин, поэтому производившиеся в наглядных механических схемах нерегулярные и противоречивые следствия находили оправдание в скептической «повествовательной манере» [21, 207] и подлежали сложению и массовой оценке в альтернативных номологических описаниях. Опирающаяся на множество атомарных предложений свобода манипуляции их переменными в классическом представлении о прогрессе науки должна вызревать в обещавшее овладение предметом научное объяснение. Однако предпринятые

для фальсификации теоретических альтернатив поиски единой теории фундаментальных взаимодействий, с одной стороны, и «скрытых ближайших параметров» самотождественной онтологии, с другой стороны, только породили неклассическую проблему избыточности критериев рациональности. Если философскую рациональность это заставило искать нормативы познания на более общем уровне внелогического анализа, то научно-позитивистская сосредоточилась на intersubъективном потенциале инструментальных способов репрезентации («синтетических формах», «математических гипотезах», «пропозициональных высказываниях»). «Как известно, упор на “описание” по сравнению с “объяснением” в науке как будто впервые сделал Кирхгоф, открывший (вместе с Бунзеном) спектральный анализ; это мнение, как известно, было поддержано и развито Э. Махом, Пуанкаре, Дюгемом и другими учеными, внесшими наибольший вклад в дело философского понимания точных наук <...> речь идет о наиболее полном и наиболее кратком описании, т.е. обычно облеченном в математическую форму» [16, 266].

Реализуя антиметафизическую программу позитивизма, указанные «описания» переносили познавательные приоритеты с объекта на метод, с объяснительной функции теории на предсказательную, с причинно-следственного детерминизма на вероятностный эрзац причинности – целостную область возможных значений. «Абсолютная точность, вполне строгая, однозначная определенность последствий какого-нибудь допущения существует в естествознании (как и в геометрии) не в чувственной действительности, а только в теории. Развитие науки имеет целью все лучше и лучше приспособить теорию к действительности» [17, 431]. Так внешней силовой «причинной» детерминации стали противопоставлять «непричинные» внутреннюю связь состояний (Л. Больцман), логическому отношению – функциональную корреляцию (Ж. Кювье), исследованию приспособлений – закон соотношения роста (Ч. Дарвин), монизму теоретического объяснения – плюрализм эмпирического описания (У. Уэвелл), спекулятивной согласованности категорий – достоверность предсказания (Э. Мах).

По мнению В. Гейзенберга, отождествлявшего на примере физики научные революции с изменениями структуры мышления, их общим условием является стремление «ставить другие вопросы и использовать иные, чем прежде, наглядные образы» [9, 195]. Так, в противоположность лапласовской экстраполяции детерминистской эпистемологии на онтологию, инструментально-прагматический подход к объектам немеханистического естествознания перенес качественно новую детерминацию с физической репрезентации на математический формализм. Тем самым получали общеметодологическое признание естественнонаучные способы репрезентации, в частности вероятностный язык науки: «я уверен, – заявлял В. Паули, – что статистический характер ψ -функции (а таким образом, и законов природы) <...> будет определять стиль законов в течение по крайней мере

нескольких столетий» [5, 266].

Для образного же осмысления вероятности естествознание ассимилировало образ уровней разнородных факторов детерминации от философского иррационализма и неокантианства, отрефлектированных

Н. Бором как модельные эрзацы аналитического объяснения научной теории. «Сегодня ясность создается не упрощениями, сводящими все явления к единственной наглядной модели, а исчерпывающим взаимоналожением различных описаний, включающих явно противоречащие друг другу понятия» [25, 163]. В онтологическом аспекте это означало отнесение непричинного фактора к внутренним спонтанным свойствам объектов-атомов, теперь уже действительно независимых, но согласованных в актуализации своих возможностей общими условиями системы («диспозиционным полем»).

Поначалу эта тенденция, обрисованная К. Поппером как «превращение всех часов в облака», проявлялась в экстраполяции духовных или виталистских слоев бытия (форм движения материи), со свойственной им «целесообразностью иррационального» на проблемные характеристики неклассических объектов (А. Бергсон, В. Оствальд и др.). Затем благодаря космологии и квантовой механике она была переведена в разряд методологических принципов, регулирующих неклассическое отношение теоретического и эмпирического как онтологически разнородных. «Для трактовки квантовой теории весьма существенно, что ее понятия делятся в своей основе на два класса: первый (исходный, первичный) класс составляют так называемые “непосредственно наблюдаемые” в опыте величины, рассматриваемые в теории как типично случайные; второй класс образуют квантовые числа (собственно квантовые понятия, типа спина). <...> Первые выражают более внешние характеристики микрообъектов, вторые – более глубокие, внутренние характеристики. Первые позволяют индивидуализировать квантовые процессы, вторые носят обобщенный характер. Первые непрерывно и хаотически изменяются, вторые более устойчивы. Естественно, что полнота теоретического выражения квантовых процессов достигается при использовании понятий обоих классов, относящихся к различным логическим уровням» [20, 162]. Неклассическая рациональность здесь выступает арбитром описательной и объяснительной функций научных моделей через расширение исходного критерия «позитивности», принужденного теперь учитывать опосредованное соответствие языковых уровней теоретического и эмпирического, когда конкретные значения одного выступают выразителями структуры возможных изменений другого.

Если кризис классики вызвал ослабление когнитивной нормы научного объяснения, то в перипетиях неклассики за критериями метатеоретического выбора из модельных альтернатив просматривается ценностная инстанция парадигмы, которая в силу своей фундаментальности не просто опосредует содержание моделей социокультурными образцами и языковыми нормами,

как это свойственно «последним основаниям» классических и неклассических ценностей соответственно [13]. Соизмеряя модели как целесообразные средства по набору и удельному весу «побочных» результатов, которые подлежат теоретической идеализации и экспериментальной элиминации, она избирательно квалифицирует одни и те же «ближайшие» причины как необходимые сущностные или случайные привнесенные. Таким образом, нормативная функция научной рациональности обнаруживает половинчатость своих когний в общем герменевтическом круге философской рациональности, фактически выполняющей еще и прескриптивную функцию, невидимую для первой.

Поскольку осознание ценностей во многом требует выхода за рамки когнитивного опыта и не подлежит такой логической проверке, как их целерациональное проведение с помощью определенной конфигурации средств, просветительские коннотации чаще всего возводят их к универсальному однородному субъекту, оправданному перспективой «всемогущего ума»

П.С. Лапласа. После кантовского учреждения «коллективного единства в целях рассудочных действий», в ней совпадают предельные цели человеческого существования и всеобщие рациональные основания, на которые замыкают любую научную аргументацию: «вместо личных интересов отдельного индивидуума принципом выбора и связи между фактами она делает ценности, имеющие всеобщее и необходимое значение» [6, 43]. Таким образом, рационально-философские принципы субъект-субъектного отношения и телеономического детерминизма отождествляются с когнитивными ценностями, манифестация которых в науке оказывается только генерализацией их средств – переходом от предметных идеализаций к методологическим нормам.

Например, (контр)реформаторская ревизия тайны пресуществления, в конце концов отрефлексируемая философами как «разрыв вещи и символа», выдернула почву из-под «симпатических канонов» магии и предоставила ее «теоретическим допущениям» естествознания. Последние заложили смысл относительной истины как прогресса соответствия знания природе, когда метрическое и экспериментальное изощрение опыта устраняет из ее спонтанности ограничения, объединенные общим именем *causa formalis*. Таким образом, становление классической науки проходило под эгидой новоевропейской ценности свободы (*causa sui*), сочетание которой с античной ценностью совершенства (ἐπιστήμη) позволило Г. Галилею внедрить в корпус механики математические идеализации движения, а Р. Декарту – логические основания опыта. С утратой церковным институтом социокультурной монополии и эмансипации научной рациональности от философской эзопов язык «теоретических допущений» естествоиспытатели стали воспринимать «позитивно», принимая инструментально-математические идеализации за

саму природу. «На самом деле перед ними даже не иллюзия реальности, а всего навсего инструментальная концепция, технически полезные приемы, позволяющие установить соответствие между логическим аппаратом и фактами опыта и концепция эта постоянно совершенствуется, эволюционирует (именно инструментальная концепция, а не “виды рациональности”). Опыт же по своей природе предполагает чувственную практику. Вот что в конечном итоге и было обозначено рационализмом, т.е. то, что исторически, изначально было противоположно ему» [22, 23]. Позднейшие попытки вернуть ему социокультурное измерение, например, контексте гуманитаризации или в стратегической роли понимания, задающего научному объяснению условия возможных значений [15, 331], оборачиваются тем, что последние также выводятся за пределы аксиологии и удостоверяются в безличном операциональном дискурсе научной репрезентации как контекст открытия или приложения.

Невещественный тип объекта неклассического естествознания, абстрагируемый от феноменалистских случайностей только в «дополнительных языках приборных показаний», упрочивает ценностное опосредование реальности, усугубляет рефлексивную часть методологии и делает «вопрошание природы» не только знаковой, но и онтологически активной деятельностью. ««...» Если все же попытаться определить облик той реальности, которая стала объектом нашего научного познания, то окажется, что ее основные свойства конституируются наиболее общими принципами научной рациональности и получены в результате гипостазирования тех методологических принципов, которые считаются рационально легитимными. То, что можно было бы назвать “метафизикой науки” – учение о закономерно устроенном пространственно-временном универсуме, в котором «нижние» (элементарные) иерархические уровни “ответственны” за состояния уровней более высоких (и соответственно объясняют их), и изменение собственных состояний которых во времени может быть полностью описано фундаментальными зависимостями «...» – есть не более чем экспликация основных методов научной рациональности» [4, 66].

Поскольку замещение и дедукция знаков не обязательно симметричны аспектам и уровням исходной сигнификации реальности, научное знание приобретает вид символа, превосходящего его точную семантику и сопряченного сразу нескольким коннотативным системам элементов и операторов, между которыми устанавливаются информационные отношения (параллелизма, интерференции, вытеснения и др.). Если неопозитивистский проект преследовал редукцию предметно-методологических альтернатив через рафинирующую рефлексивную их языковых оснований, то постпозитивистский заставляет пересмотреть саму конститутивную оппозицию научной репрезентации – формализации / референции – и окончательно перейти от индуктивистского идеала структурной простоты теоретической

абстракції к епістемологічеській нормі складності. «...» Нет ничего вовсе незначимого – презумпция осмысленности каждого элемента и презумпция всеобщей взаимозависимости: даже “кошка смотрит на короля”, даже на самую “чистую” теорию влияет структура обыденного опыта и структура языка; нет ничего “чистого” – все продукты культуры и мышления опосредованы деятельностью и несут на себе ее отпечатки, среди которых, в частности, и предпосылки будущей деятельности «...» [1, 58].

Речь идет о «гетероморфных рациональных реконструкциях», не только отражающих идеальную каузальную схему с позиций индуктивизма, конвенционализма, фальсификационизма и т.д., но и диктующих ученым соответствующие правила поведения. Отказываясь от идеала усоответствования порядка разума порядку бытия, методологический анализ выходит за пределы интертеоретических отношений, вовлекая в научную рациональность стратифицирующие «всемогущий ум» культурологические контексты (П. Фейерабенд), социологические критерии (Т. Кун) и историческое измерение (И. Лакатос), десакрализирующее его положение внешнего наблюдателя. «Вместо одного разума возникло много типов рациональности. Тем самым была поставлена под вопрос всеобщность и необходимость научного знания. Скептицизм и релятивизм, столь характерные для историцизма в философии, распространились теперь и на естествознание» [7, 13].

Постнеклассическая интерпретация научных объектов через принципы нелинейности, мультистабильности и телеономии в поведении сложных систем приводит к череде отказов и компромиссов классики и неклассики. «В частности, в нелинейных системах не выполняется принцип суперпозиции, качественно меняются резонансы, возникают особые нелинейные эффекты динамики, отсутствующие у линейных систем. Это приводит к тому, что поведение нелинейных систем не описываются полярными категориями, в связи с чем возникает необходимость введения синтетических понятий, объединяющих стороны дихотомии: детерминированный хаос (упорядоченный беспорядок; необходимая, закономерная случайность); самоорганизации (случайно возникающий порядок); фрактальность (дискретная непрерывность, целостная частичность) и т.д. «...» сегодня хорошо известно, что развитие в общем случае является нелинейным, а его траекториями оказываются незамкнутые кривые или даже фрактальные множества, не имеющие классических геометрических аналогов и требующие для своего описания революционных топологических образов, таких, как странный аттрактор» [3, 31]. В операционально-математическом плане такое градуированное описание онтологии означает преодоление формальности вероятностных распределений неклассической статистики в «стохастической динамике», аналитический интерес к которой в последнее время испытывают не только физики. «...» Это связано как с появлением большого числа конкретных задач в

различных областях, так и с наметившейся возможностью продвинуться в фундаментальной проблеме о связи динамических и статистических законов физики, прежде противопоставлявшихся друг другу» [8, 228].

С одной стороны, «снятие» альтернативных идеализаций (пространственной и временной, дискретной и континуальной, горизонтальной и вертикальной, статической и динамической, материально-телесной и духовной) означает курс на действительную ценностную нейтральность, с другой – реализует феноменологическую ценность полноты бытия и его репрезентации. В экспериментах с открытыми нелинейными системами она подкрепляется онтологической активностью и смысловой нагрузкой явлений, выражающих теперь предыдущие этапы и смежные связи существования системы, включая коммуникативный и прикладной контекст субъекта познания. Представление символических коннотаций этого «косвенного» контекста (подтекста) не просто неклассическими условиями познания, а в роли эксплананса смыкает его с ментальными предпосылками социогуманитарного «понимания», но подчиняет ценностные альтернативы последнего общей с исходным когнитивным контекстом задаче повышения эмпирической чувствительности, критической широты и предсказательной силы языков описания. «Наука при всем разнообразии ее составляющих, есть единая система. И общая направленность ее подразделений в целом одна и та же – выявление области “возможного”. Только если естествознание определяет возможности, скрытые в самом окружающем мире, то гуманитарное познание способствует пониманию возможностей человеческого действия. В частности и таких, которые пока остаются нереализованными» [10, 33].

Таким образом, «включенная» научная рефлексия предполагает организацию «аналитических данных» обеих сторон вопрошания в общий диахронический смысл инновационной вероятностной перспективы послепластовского детерминизма, восходящей от искомого универсального порядка познающего разума к исходному разнообразию и изменчивости его регулятивов – рациональному порядку социальных действий. Для ученого это означает дополнительное опосредование «замысловатой» предметно-содержательной репрезентации: пошатнувшиеся абсолюты критериально-нормативной обоснованности он компенсирует интерсубъективными эрзацами трансцендентной разумности, которые на своих уровнях репрезентации ассимилируют реальные возможности в коммуникативных формах выражения и взаимодействия с реальностью, образуя в когерентном целом «внутренние истории», «виртуальные миры» и другие аналоги «третьего мира» К. Поппера.

Утрата естественными объектами структурной устойчивости, служившей источником объективных значений и абсолютных оснований универсальной рациональности [12, 103], подкрепляет постмодернистские идеи о настолько радикальном опосредовании реальности культурными наслоениями, что

вопрошание оказывается одним из функциональных актов (наряду с оценкой, интерпретацией или критикой) сугубо языковой игры по приданию знакам смыслов. «...» В языковом мире постмодернизма действует новый детерминизм. Линейное развитие здесь уступило место нелинейному ветвлению альтернатив (ризома). Вместо равновесной и структурной системы представлена неравновесная и аморфная среда, творческие потенции которой выражает множество случайных событий. Обилие входов и выходов лабиринтной среды обесценивает деление на внешнее и внутреннее. Здесь нет определенности динамических законов (типа законов механики) и все новое возникает статистически и с определенной долей вероятности» [26, 563].

И изучаемые явления, и изучающие их ученые лишаются «глубин и объемов» собственного определения, превращаясь в «поверхностные» эстетические символы для случайных (анонимных и автономных) событий этой игры. «Вне устойчивых ориентиров все приемлемые средства равно хороши, и в прагматическом свете сам разум оказывается не более чем одним из средств действия. Способ его употребления заменяет утраченную сущность рациональности, превращая разумность в предикат деятельности» [4, 175]. В этой связи эксплананс теоретического объяснения превращается в сходный с кантовскими «идеями практического разума» нарратив, который вместо того, чтобы подчинять элементы научного описания целерациональному порядку ригидной парадигмы, включает их в ламинарную историю текущих телеологических значений. Первоочередная задача философской рефлексии тогда переносится с постпозитивистского «генезиса» на постмодернистскую «деконструкцию» классических категорий, вроде «космоса» / «хаоса», «основания» / «следствия», «субъекта» / «объекта», «автора» / «произведения» и т.д., как дискурсообразующих оппозиций, администрирующих пространство научного поиска и придающих партикулярным ценностям и предубеждениям вид научных описаний и объяснений.

Вместе с тем, постмодернистский анализ «дискурса власти» представляется нам послевкусием (нео)позитивистской объективизации («отчуждения», «овнешнения» [11]) разума и предметов его познания инструментальными способами репрезентации и вообще современного просвещения грехопадности «сотворенной природы», которому все же уготовано реверсное движение методологических предпочтений в сторону гилеоморфической стратегии подражания «творящей природе». «Деятельность рациональна, если в ее структуру встроен механизм внутреннего совершенствования и внешней гармонизации. «...» Уровень сбалансированности отношений деятельности с другими человеческими способностями и окружающим миром – такой же критерий рациональности деятельности, как и ее внутреннее совершенствование. «...» В определенном смысле это объединение принципов формальной целерациональности и

ценностной рациональности, сформулированных М. Вебером» [14, 1035]. Замещая «всемогущий ум» имманентными условиями единства эмпирического и теоретического, научная рациональность дополняет отрицательную свободу логического контроля трансляции культурного опыта положительным процессуальным соотношением сторон вопрошания, лишая случайность привилегии быть критерием различий текста и реальности, цели и результата, ценности и смысла. Аналогично тому, как историографическая нагрузка исторических событий преодолевает дилемму их закономерности / случайности, герменевтическая коммуникация порядка бытия (причин и следствий), с одной стороны, и порядка действий (средств и целей) – с другой, может выражать органическую способность постнеклассической рациональности проектировать познавательные возможности, ассимилируя расхождения внешних каузальных схем и внутренней логики исследования и выводя их тем самым из асимптотической перспективы научно-познавательного овладения.

Тогда оперирование средствами предполагает не только пролиферацию теорий и рационализацию научного (мета)языка, с тем чтобы изолировать критерии и принципы их целерационального отбора или дополнительности, но и герменевтическое восстановление познающего субъекта, его исходных целей и вообще культурных смыслов. По мнению Ю. Хабермаса, такая методологическая ориентация может преодолеть существующий кризис мотиваций, способствовать взаимопониманию субъектов общения и организовать «социальное действие» прямого, неискаженного осуществления рациональности [24]. Последнее «разбавляет» естественнонаучные образцы научной репрезентации (будь то механистических способов объяснения или вероятностно-статистических способов описания) контекстуальными приемами описания и недемонстративными формами обоснования социогуманитаристики (переживанием, интуицией, типологией, case study, включенным наблюдением и др.), классическая нерациональность которых выражалась в ослаблении идеализаций и оплачивалась ростом неопределенности и непредсказуемости.

Переходя в постнеклассике от статуса «контекста открытия» к «контексту обоснования», социогуманитарные способы научной репрезентации позволяют испытывать научное знание помимо логических и языковых нормативных критериев прагматической укорененностью в его происхождении, функционировании и коммуникации: все, что определяет формальную структуру субъекта познания, требует отдельной репрезентации («саморепрезентации») и наделяет аксиологическую (не)приемлемость тем же градуально-эволюционным измерением, который осваивается во внешнем мире. «Если классический образ науки ориентировал на построение единой обобщенной теории, а неклассический образ науки – на дополнительность различных способов и языков описания квантово-механических феноменов, то

постнеклассическая наука отстаивает идею принципиальной множественности описаний и объяснений, настаивая лишь на ясности и методологической прозрачности исходных принципов и посылок, на последовательности и аргументированности научного дискурса, осуществляющегося в диалоге и критике иных принципов и способов рассуждения «...» Научное знание предстает как многоуровневая сеть взаимосвязанных символических концептуализаций, а ее узлы как смысловые концепты, существующие в актах научной коммуникации, в том числе и прежде всего в актах речевой коммуникации» [18, 473, 481]. Тогда экстраполяция средств, успешно воспроизводящих аналогичные цели, становится действительно рациональной, а не оправдывает свою произвольность статистическими приближениями, чреватými подменой результата, или, как сказал бы Аристотель, «напрасностью» (μάτην) [2, 95].

Выводы. Историко-философский анализ основных этапов научного детерминизма позволяет представить их в методологической культуре современной науки как «смысловую сетку» альтернатив научной рациональности. В частности, реализация программы механицизма в лапласовских идеалах «всемогущего ума», «единой формулы движения» и «полноты описания» обеспечила целерациональную стратегию испытания и приращения научного опыта, а затем и установления его структуры в виде отношения языков описания. На неклассическом этапе методологической рефлексии была осознана непрозрачность этих языков как средств научного исследования, которая ограничивает их контролируемую способность в альтернативных описаниях и побочных результатах.

Используя связи детерминистских категорий с основными научными программами и «категориальными матрицами», можно реконструировать переход от метафизического к диалектическому или постмодерному восприятию этих категорий в философии, в равной мере составляющих философско-методологическое обеспечение вероятностного стиля мышления современной науки. С одной стороны, постулированный этим стилем образец эволюционирующего объекта провоцирует деконструкцию классических категорий в виде новых концепций «хаосмоса», «смерти субъекта» и др., отрицательно квалифицирующих рациональные необходимости в науке как признаки нарративов. С другой стороны, незавершенность научной репрезентации естественных объектов постнеклассики, сравнивая с имманентным контекстом гуманитарного объекта позволяет обобщить научно-познавательную деятельность до коэволюционной способности самопорождения, в которой стороны исходного субъект-объектного вопрошания открыты к взаимной положительной поправке случайностей по герменевтической схеме, сглаживающей пространственную, временную и пр. категориальную поляризацию рациональности.

С переводом таким образом познавательных целей на вариативный

порядок соціокультурних умов і засобів критерії наукової раціональності сприймаються як варіативні когнітивні цінності, а раціональна регуляція нового суб'єкт-суб'єктного інтеррогатива замість теоретичної репрезентації ідеальної каузальної схеми або накладення описань різної ступеня общности набуває вигляду суб'єктно-волевого розуміння динамічної комунікації їх моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность: [мон. / Отв. ред. В.А. Лекторский] / Н.С. Автономова. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
2. Аристотель. Физика / Аристотель: [пер. с древнегреч. В.П. Карпова] // Аристотель. Сочинения в 4-х т. – М.: Мысль, 1976—1983. – Серия: Философское наследие. – Т. 3. – 1981. – С. 59–262.
3. Афанасьева В.В. Постнеклассическая онтология / В.В. Афанасьева, Н.С. Анисимов // Вопросы философии. – 2015. – №8. – С. 28–42.
4. Белокобыльский А.В. Основания и стратегии рациональности Модерна: [науч. мон.] / А.В. Белокобыльский. – К: Изд. ПАРАПАН, 2008. – 244 с.
5. Борн М. Интерпретация квантовой механики / М. Борн; [пер. с англ. и нем. В.В. Иванова и др.] // Борн М. Физика в жизни моего поколения: [сб. ст. / Под общ. ред. С.Г. Суворова]. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1963. – С. 252–266.
6. Виндельбанд В. Философия XIX века // Фауст и Заратустра: [сб. ст.]. / В. Виндельбанд; [пер. с нем.]. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 31–70.
7. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П. Гайденко. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
8. Гапонов-Грехов А.В. Нелинейная физика. Стохастичность и структуры / А.В. Гапонов-Грехов, М.И. Рабинович // Физика XX века. Развитие и перспективы: [сб. ст.] / Отв. ред. Велихов Е.П. – М.: Наука, 1984. – С. 219–280.
9. Гейзенберг В. Изменения структуры мышления в развитии науки / В. Гейзенберг; [пер. с нем. А.В. Ахутина] // Гейзенберг В. Шаги за горизонт: [сб. ст. / сост. А. В. Ахутин; общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова]. – М.: Прогресс, 1987. – С. 190–200.
10. Гусев С.С. Гуманитарное познание: от универсальных ценностей к типовому поведению / С.С. Гусев // Філософские науки. – 2008. – №12. – С. 19–33.
11. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1986. – №3. – С. 101–116.
12. Декарт Р. Правила для руководства ума / Р.Декарт: [пер. с лат. М.А. Гарнцева] // Р. Декарт Сочинения в 2 т. [науч.-исслед. изд. / сост., ред. и вступ. ст. В.В. Соколова]. – М.: Мысль, 1989–1994. – Сер.: Философское наследие. – Т.1. – 1989. – С. 77–153.

13. Ивин А.А. Классическое и неклассическое определения ценности / А.А. Ивин, И.П. Никитина // Философия и социальные науки. – 2014. – №1. – С. 17–20.
14. Касавин И.Т. Рациональность как ценность культуры / И.Т. Касавин, В.А. Лекторский, В.С. Швырев // Вестник РАН – 2005. – Т. 75. – №11. – С. 1028–1037.
15. Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание / Х. Лэйси; [пер. с англ. Л. Сурковой / Под общ. ред. В.А. Яковлева]. – М.: Логос, 2001. – 360 с.
16. Любищев А.А. Нужна ли философия для науки? / А.А. Любищев // Философия биологии. Вчера, сегодня, завтра (Памяти Р.С. Карпинской) : [сб. ст. / ИФ РАН; отв. ред. И.К. Лисеев]. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 256–291.
17. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах; [пер. с нем. Г. Котляра / Под ред. Н. Ланге]. – [науч. изд.]. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 456 с. – Сер.: «Классика и современность. Естествознание».
18. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы: [в 3-х ч.] / А.П. Огурцов; [науч. изд. / ИФ РАН]. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. – Ч. 2. (Философия науки: Наука в социокультурной системе). – 495 с.
19. Патнем Х. Разум, истина и история / Х. Патнем; [пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева]. – М.: Праксис, 2002. – 296 с. – Сер.: Философия.
20. Сачков Ю.В. К синтезу парадигм (концепций) жесткой детерминации и вероятностной детерминации / Ю.В. Сачков // Философия науки: [науч. изд. / отв. ред. Л.Б. Баженов, С.Н. Коняев]. – Вып. 7. (Формирование современной естественнонаучной парадигмы). – М.: ИФРАН, 2001. – С. 148–175.
21. Секст Эмпирик Три книги пирроновых положений / Секст Эмпирик; [пер. с древнегреч.] // Секст Эмпирик Сочинения: [в 2-х тт.] / Общ. ред. А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1963–1976. – Сер.: Философское наследие. – Т. 2. – 1976. – С. 205–380.
22. Семенов В.В. Пять кривых зеркал рациональности / В.В. Семенов // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук : [сб. науч. трудов ФСЭП МПГУ]. – вып. IV. – М.: ФК «Школа будущего», 1999. – С. 17–29.
23. Стоцкая Т.Г. Феномен рациональности: философская традиция и современные интерпретации / Т.Г. Стоцкая // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 122–130.
24. Фарман И.П. Модель коммуникативной рациональности (на основе социально-культурной концепции Юргена Хабермаса) / И.П. Фарман // Рациональность на перепутье: [сб. в 2 кн.] / ИФ РАН; [редкол.: П.П. Гайденоко, В.А. Лекторский, В.С. Степин]. – М.: РОССПЭН, 1999. – Кн. 1 / Отв. ред. В.А. Лекторский. – 1999. – С. 264–292.

25. Холтон Дж. Корни дополнительности / Дж. Холтон // Холтон Дж. Тематический анализ науки: [пер. с англ.] / Общ. ред и послесл. С.Р. Микулинского. – М.: Изд-во «Прогресс», 1981. – С. 159–211.

26. Юлов В.Ф. История и философия науки: [уч. пос.] / В.Ф. Юлов. – Киров, 2007. – 573 с.

РЕЗЮМЕ

З.Ю. Макаров. Сучасна раціональність і післялапласівський детермінізм: синтез природознавства і гуманітаристики.

В статті проведено аналіз післялапласівського детермінізму, що дозволяє побачити концепт наукової раціональності у становленні та окреслити його проблемний статус в постнекласичному контексті науки. З'ясовано, що розвиток ймовірного стилю мислення сприяє рефлексії комунікативних та коеволюційних аспектів раціональності. Виявляючи цю тенденцію в загальному контексті тематики наукових парадигм, автор позначає раціональну стратегію асиміляції випадковості та цілепокладання в сучасній науковій методології.

Ключові слова: лапласівський і післялапласівський детермінізм, причинність, випадковість, науковий опис, пояснення, розуміння, раціональність, нелінійні теорії, парадигма.

SUMMARY

Z. Makarov. Modern rationality and post-Laplace's determinism: synthesis of natural science and humanities.

The article analyzes post-Laplace's determinism that allow to see the concept of scientific rationality in its formation and define its problematic status in post-nonclassical context of science. It has been established that the development of probable style of thinking contributes to reflection of communicative and coevolutionary aspects of rationality upon discovering this tendency in general context of the subject area of scientific paradigms the author marks rational strategy of assimilation of chance and expediency in modern scientific methodology.

Key words: Laplace's and post-Laplace's determinism, causality, chance, scientific description, explanation, understanding, rationality, nonlinear science, paradigm.